

Снѣгурка.

Жили на свѣ-
тѣ ста-
рикъ со
старухой.

Жили они
хорошо, да
вотъ горе:

не было у нихъ дѣтей.

Сильно тужили старики, что
подъ старость пришлось имъ одино-

кимъ вѣкъ коротать, да ничего не подѣлаешь. Только у нихъ и радости было, что, на чужихъ дѣтей глядячи, утѣшаться.

Вотъ разъ зимой сидять старикъ со старухой подъ окномъ и смотреть, какъ на улицѣ ребятишки въ снѣжки играютъ. А снѣгъ только что выпалъ, бѣлый такой, рыхлый... Кончили ребята въ снѣжки играть и стали изъ снѣгу бабу лѣпить. Старикъ и говоритъ:

— А что, старуха, не пойти ли и намъ на улицу, будемъ и мы бабу лѣпить.

— Что жъ, пойдёмъ разгуляемся на старости! Только на что тебѣ бабу? Слѣпимъ лучше себѣ дитя изъ снѣгу, коли Богъ живого намъ не далъ.

— Что правда, то правда... — говоритъ старикъ, взявъ шапку и пошелъ на улицу.

Принялись наши старики лѣпить дитя изъ снѣгу. Слѣпили туловище съ ручками и съ ножками, наложили сверху круглый комъ снѣгу и обгладили изъ него головку.

— Богъ въ помощь! — кричитъ кто-то, проходя мимо.

— Спасибо, — отвѣчаетъ старикъ.

— Божья помощь на все хороша, — говоритъ старуха.

— Что это вы дѣлаете?..

— Да вотъ, что видишь: Снѣгурку!.. — сказали, а сами опять за дѣло.

Вотъ вылѣпили они носикъ и подбородокъ; сдѣлали двѣ ямочки на лбу, и только что старикъ прочертилъ ротикъ, какъ вдругъ изъ него тепломъ пахнуло. Смотрятъ старики: ямочки на лбу стали ужъ навывкатъ, и изъ нихъ проглядываютъ голубенькіе глазки, а потомъ и губки, какъ малиновыя, улыбаются.

«Что это, Господи! Не наважденіе ли какое?» думаетъ старикъ.

А кукла наклоняетъ къ нему свою головку, точно живая, и шевелить ручками и ножками въ снѣгу, словно грудное дитя въ пеленкахъ.

Задрожала старуха отъ радости и бросилась обнимать Снѣгурочку.

— Ахъ ты, моя Снѣгурочка дорогая! — говоритъ старуха, обнимая свое нежданное дитя, и побѣждала съ нимъ въ избу.

Растетъ Снѣгурочка не по днямъ, а по часамъ и что день, то все лучше.

Старикъ со старухой не на радуются на нее. И весело стало у нихъ въ домѣ. Дѣвушки съ села приходятъ забавлять бабушкину дочку; разговариваютъ съ нею, поютъ ей пѣсни, играютъ съ нею во всякія игры, научаютъ ее всему, какъ что у нихъ ведется.

А Снѣгурка такая смышленная: все примѣчаетъ и перенимаетъ. И стала она за зиму точно дѣвочка лѣтъ тринадцати: все разумѣетъ, обо всемъ говорить и такимъ сладкимъ голосомъ, что заслушаешься. А собою она—бѣленькая какъ снѣгъ, глазки какъ незабудочки; свѣтлорусая коса до пояса, одного румянца только нѣтъ вовсе, словно живой кровинки въ тѣлѣ нѣтъ. И всѣ не налюбуются Снѣгуркою; старушка же въ ней и души не чаетъ.

— Вотъ, — говоритъ она мужу, — даровалъ-таки намъ Богъ радость на старость!

Прошла зима. Заиграло на небѣ весеннее солнце и пригрѣло землю. По проталинамъ зазеленѣла травка и запѣлъ жаворонокъ.

Стали красны-дѣвицы хороводы по селу водить да пѣсни пѣть. А Снѣгурка что-то скучна стала.

— Что съ тобою, дитя мое? — говоритъ ей старуха.— Не больна ли ты?

А Снѣгурка отвѣчаетъ ей всякій разъ

— Ничего, бабушка, я здорова...

Сошелъ послѣдній снѣгъ. Зацвѣли сады и луга; запѣлъ соловей и всякая птица, и все въ Божьемъ мірѣ стало живѣй и веселѣй. А Снѣгурка еще сильнѣй скучать стала и все прячется отъ солнца подъ тѣнь. Въ дождикъ и сумракъ она веселѣй становится.

А разъ, какъ надвинулась сѣрая туча да посыпала крупнымъ градомъ, Снѣгурочка такъ обрадовалась, какъ иная не была бы рада и жемчугу перекатному. Когда же опять припекло солнце, и градъ растаялъ, Снѣгурка плакала по немъ да такъ сильно, какъ будто сама хотѣла разлиться слезами.

Вотъ и весна прошла, насталъ Ивановъ день. Собрались дѣвушки съ села на гулянье въ рощу, зашли къ Снѣгуркѣ и пристали къ бабушкѣ:

— Пусти да пусти съ нами Снѣгурку!

Старухѣ сначала не хотѣлось пускать ее, но потомъ подумала: «Авось разгуляется Снѣгурочка!» — и отпустила ее съ подругами въ лѣсъ на гулянки.

Пришли онѣ въ лѣсъ и пошло у нихъ тутъ веселье: вили вѣнки, вязали пучки изъ цвѣтовъ и распѣвали веселыя пѣсни. А когда закатилось солнце, дѣвушки разложили костеръ изъ мелкаго хвороста, зажгли его и всѣ въ вѣнкахъ стали въ рядъ одна за другою, а Снѣгурку поставили позади всѣхъ.

— Смотри же, — сказали онѣ, — какъ мы побѣжимъ, такъ и ты бѣги слѣдомъ за нами, не отставай!

Вотъ стали дѣвушки прыгать черезъ костеръ.

Вдругъ что-то позади ихъ зашумѣло и жалобно такъ простонало «ау!» Оглянулись онѣ въ испугъ, — нѣтъ никого. Смотрятъ другъ на дружку и не видятъ между собою Снѣгурки.

— А! вѣрно, она спряталась, шалунья,—и разбѣжались искать ее, но никакъ не могутъ найти; кличуть, аукають,—не отзывается.

— Куда бы это дѣлась она? Видно домой убѣжала,—сказали онѣ и пошли въ село, но Снѣгурочки и въ селѣ не было.

Искали ее на другой день, искали на третій; исходили всю рощу—кустикъ за кустикъ, деревцо за деревцо: нѣтъ Снѣгурки, и слѣдъ простылъ!

Долго горевали старикъ со старухою и плакали по своей дочкѣ.

Куда жъ дѣлась Снѣгурка?.. Лютый ли звѣрь уволокъ ее въ дремучій лѣсъ, или хищная птица унесла къ синему морю? Нѣтъ, не лютый звѣрь унесъ ее въ дремучій лѣсъ, и не хищная птица унесла ее къ синему морю, а когда Снѣгурочка побѣжала за подружками и вскочила въ огонь,—вдругъ потянулась она вверхъ легкимъ паромъ, свилась въ тонкое облачко... и полетѣла въ высоту поднебесную.

